

Телятникова Оксана Николаевна

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ КОМИЧЕСКОГО НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Данная ниже статья посвящена вопросам теории комического и его реализации. Настоящий вопрос затрагивается в рамках научных трудов по психологии, социологии, филологии, лингвокультурологии, стилистики и лингвистики. Исследование охватывает период с конца XX по начало XXI века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 159-161. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

9. Средства массовой информации в современном обществе: тенденции развития, подготовка кадров [Текст] / Под общ. ред. А. А. Грабельникова. - М.: РУДН, 1995.

10. Теория и методика журналистского творчества [Текст]: Учебное пособие / Под ред. Г. А. Нуриджанова. - М.: Союз, 1998.

11. Тертычный А. А. Жанровая структура современной российской прессы // Ученые записки УРАО. - М.: Изд. УРАО, 2003. - Вып. 2 «Журналистика».

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ КОМИЧЕСКОГО НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Телятникова О. Н.

Самарская государственная академия культуры и искусств

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Вохрышевой Е. В. и к.ф.н. Толстой Т. В.

Данная ниже статья посвящена вопросам теории комического и его реализации. Настоящий вопрос затрагивается в рамках научных трудов по психологии, социологии, филологии, лингвокультурологии, стилистики и лингвистики. Исследование охватывает период с конца XX по начало XXI века.

Комическое привлекало внимание учёных с древнейших времен, однако, несмотря на это, до недавнего времени вопрос о сущности комического, так же как и о причинах возникновения комического эффекта, затрагивался в основном в рамках эстетики и философии. Характерно, что в последнее время возросло количество работ, посвященных проблемам комического. Так, например, филологические исследования комического последних лет (в частности, Н. Д. Арутюновой и В. З. Санникова) показали, что обязательным аспектом действия комического высказывания является присутствие в нем второго смыслового плана, связанного с первым ассоциативными и/или смысловыми отношениями [Арутюнова 1999: 248; Санников 1999: 315].

Комическое в филологии рассматривается в основном как игра со смыслом, как алогическое высказывание, как лингвоментальная психолингвистическая универсалия, влияющая на построение юмористического текста, а также как игра слов или каламбур [Вербицкая 2005: 21].

Что касается современных психологических исследований, они рассматривают механизм действия комического как «восприятие несоответствия в игровом контексте, которое может сопровождаться улыбкой или смехом» [McGhee 1989: 21].

Существуют три основные теории, объясняющие причины возникновения смеха с точки зрения психологии.

Согласно теории несовместимости («the incongruity theory») комический эффект возникает при нарушении логики рассуждения. Главным условием восприятия несоответствия как источника комического, согласно МакГи, является игровая рамка («playful framework»), под которой понимаются коммуникативные сигналы, приглашающие к восприятию несовместимого в игровой форме. Вслед за начальной стадией восприятия комического, когда субъект видит разницу между тем, что он слышит или видит и своими индивидуальными ожиданиями, он вовлекается во вторую фазу - фазу разрешения противоречия. На этой стадии два первоначально несоединимых элемента «примиряются».

Так, например, О. Ю. Вербицкая отмечает, что еще в 70-е годы XX столетия американские исследователи Г. Нерхардт и М. Рофбарт утверждали, что несоответствие является достаточным основанием для возникновения ожидаемой реакции адресата на комическое высказывание [Вербицкая 2005: 16].

Согласно второй теории - теории превосходства («the superiority theory») - комическое начинает реализовываться, когда адресат фокусируется на ошибке, глупом поведении или неудачном поступке другого человека [McGhee 1989: 39].

В связи с этим многие исследователи комического, такие как М. А. Кулинич, Е. М. Радина, Ю. В. Латышев и другие, отмечают, что одним из существенных факторов возникновения комического эффекта является возможность дистанцировать себя от объекта насмешки. Благодаря этому адресат чувствует по отношению к объекту смеха превосходство, свое не причастие к глупой или смешной ситуации и, таким образом, способен посмеяться над ней [Кулинич 2000: 18; Радина 2002: 11; Латышев 2003: 89].

Третья теория - теория облегчения («the relief theory / the release from restraint theory») - берет начало от учения З. Фрейда. Согласно данной теории, адресант через смех над чем-либо пытается освободить свой разум от мысленного напряжения, природа причины которого может быть различна. Л. Розенберг отмечает, что комическое, особенно черный юмор, помогает адресанту справиться со стрессовой ситуацией [How Stuff Works 2003: 33-36].

Заметим, что теория несовместимости и теория превосходства объясняют возникновение комического эффекта с точки зрения адресата комического, в то время как теория облегчения фокусирует свое внимание на адресанте.

Исследование социологического аспекта комического стало актуальным в последние десятилетия в связи с признанием человека в качестве объекта исследования.

Интересен тот факт, что исследования осуществлялись на макросоциальном уровне (когда объектом являлось конкретное общество или тип общества: его культура, этнические стереотипы) и на

микросоциальном (групповом) уровне - уровне социальной группы, объединенной определенного рода деятельностью. Исследователи пришли к выводу, что центральной социальной функцией комического являются сопротивление напряжению в группе и контроль над членами группы как механизм поддержания групповой солидарности. Иными словами, с одной стороны, когда проблема рассматривается с комической точки зрения, игровым способом, то она воспринимается членами группы как прямо не угрожающая. Таким образом, юмор существует как «мягкая форма контроля» и эффективно используется тоталитарной системой для высвобождения социального напряжения, высмеивая, например, индивидуальные особенности политических лидеров и уводя от критики системы в целом. С другой стороны, юмор в некоторых ситуациях выражает социальное недовольство и является одним из способов противостоять контролю [Бороденко 1995: 47-48].

Однако, по мнению Ю. В. Латышева, в последнее время комическое все больше используется не как идеологическое оружие, а как средство развлечения. Действительно, немалой популярностью пользуются сугубо юмористические издания (в частности, английский юмористический журнал «Punch»); серьезные газеты и журналы считают себя обязанными иметь колонку юмора [Латышев 2003: 126].

Таким образом, можно утверждать, что комическое все больше становится товаром. Исследованию юмора как предмета продажи в индустриальном обществе посвящена, в частности, работа М. Малкай и Г. Хоуи, в которой отмечается двойственность юмора. С одной стороны, это - экономическое благо, за которое готовы платить потребители, с другой, - эффективное средство социального контроля. В условиях современного общества эти два аспекта успешно сосуществуют [Mulcahy, Howe 1994: 483-486].

Комическое также является одним из значимых аспектов изучения современной лингвокультурологии, что прослеживается в работах М. А. Кулинич, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина и других исследователей. Комическое рассматривается в рамках языковой картины мира на основании анализа профанации значимых культурных концептов и метаконцептов.

С точки зрения лингвокультурологии тот или иной концепт может быть признан элементом культуры, если он обладает свойством типичности, известной большинству членов социума, а также передается от поколения к поколению. Принадлежность к системе языка определяется критерием устойчивости, показателем которой служат, соответственно, признаки массовости употребления и инвариантности формы воспроизведения [Кулинич 2000: 16; Карасик 2003: 115].

Исследование Г. Г. Слышкина показывает, что-то, что воспринимается социумом как «культурно значимое и лингвистически устойчивое», непременно подвергается осмеянию. Связь осмеиваемости с типичностью и устойчивостью обусловлена, во-первых, тем, что осмеиваемое должно быть легко узнаваемо, во-вторых, тем, что типичность и устойчивость единицы провоцируют потребность в осмеянии, поскольку человеческое сознание нуждается в трансформации всего застывшего. Г. Г. Слышкин выделяет смеховую картину мира как жанровую, подчеркивая, что в смеховой картине мира негативные ценности концентрируются в гиперболизированном виде, а позитивные - в карнавальной инверсии [Слышкин 2004: 28-29].

В ряде собственно лингвистических работ по проблеме комического отмечается, что важным аспектом действия комического является нарушение норм вероятностного прогноза, вызывающее эффект обманутого ожидания, когда изначально маловероятные ассоциации при переходе от одного плана текста к другому переводятся в доминирующие [Вежбицкая 1997: 135; Донгак 2001: 81].

Как отмечает М. А. Кулинич, юмор возможен благодаря семантической диффузности и амбивалентности единиц и моделей естественного языка. Под естественным языком здесь подразумевается психическая деятельность мышления. Другими словами, естественный язык предназначен не только для семиотического обеспечения формально-логических операций, он дает человеческому интеллекту выход за рамки «механической» логики, повышает его функциональный потенциал [Кулинич 1999: 145-147].

А. А. Проскурина в статье «Английские юмористические дефиниции в оригинале и переводе» пишет о том, что анализ шутки, с точки зрения стилистики, способствует пониманию национальных особенностей юмора, так как, если комические ситуации могут быть похожими у разных народов, то языковые средства непременно содержат национальную специфику [Проскурина 2000: 78-79].

Подводя итог выше сказанному, еще раз отметим, что число работ, посвященных проблемам комического, за последние десятилетия значительно увеличилось. Некоторые из них затрагивают собственно лингвистический аспект изучения комического, другие - психологический, социологический и национально-культурный аспекты.

Однако в связи с тем, что к проблеме комического обращались многие науки, и, соответственно, рассматривали ее с различных точек зрения, при анализе подходов к объяснению природы и сущности комического возникает проблема терминологической неясности, которая и на сегодняшний день не позволяет делать четкие выводы по вопросу комического.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 896 с.
2. Бороденко М. В. Два лица Януса-смеха [Текст] / М. В. Бороденко. - Ростов н/Д: АО «Цвет. печать», 1995. - 86 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. - М.: Русские словари, 1997. - 411 с.
4. Вербицкая О. Ю. Опыт лингвистического исследования парадоксального речевого акта в комическом дискурсе: на материале английского языка [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. - М.: РГБ, 2006. - 193 с.

5. **Донгак С.** Языковая игра и обманутое ожидание [Текст] / С. Донгак // Критика и семиотика. - Красноярск: КГУ, 2001. - Вып. 3/4. - С. 78-84.
6. **Кулинич М. А.** Лингвокультурология юмора (на материале английского языка) [Текст] / М. А. Кулинич. - Самара: СамГПУ, 1999. - С. 78-83.
7. **Кулинич М. А.** Юмористические номинации в профессиональных подязыках [Текст] / М. А. Кулинич // Вестник факультета иностранных языков. - Самара: СамГПУ, 2001. - № 2. - С. 145-152.
8. **Латышев Ю. В.** Феномен юмора в социально-информационном взаимодействии: теоретико-методологический анализ: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. - Новосибирск, 2003. - 147 с.
9. **Проскурина А. А.** Английские юмористические дефиниции в оригинале и переводе // Иностранные языки: исследование по лингвистике, методике, страноведению: Сб. науч. ст. молодых ученых факультета ин. яз. - Самара: СамГПУ, 2000. - С. 78-83.
10. **Радина Е. М.** Лингвостилистические особенности короткого юмористического рассказа: опыт социо-прагматической интерпретации (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. - Пятигорск, 2002. - 19 с.
11. **Санников В. З.** Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В. З. Санников. - М.: Знак, 1998. - 544 с.
12. **Слышкин Г. Г.** Лингвокультурные концепты и метакоцепты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. - Волгоград, 2004. - 39 с.
13. **How Stuff Works.** - N.Y.: Stuff publishing Co., 2003. - 97 p.
14. **McGhee P. E.** Humour and Children's Development. - New York: REIFLE, 1989. - 53 p.
15. **Mulkaý M.** Laughter for Sale // Sociological Review. - 1994. - № 42. - P. 481-500.

ОШИБКИ ПРИ ОСВОЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОЛЯКАМИ И СЕРБАМИ (ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМ)

Фёдорова К. В.

Казанский государственный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Галиуллыным К. Р. и к.ф.н., доц. Копосовым Д. Р.

Статья затрагивает вопросы формального и семантического несоответствий между глагольными грамматическими системами родственных славянских языков. Параллельно с теоретическими выкладками определяются приемы подачи материала, могущие облегчить польским и сербским студентам освоение русской системы глагольных форм и приглагольных частей речи.

Считается, что русский глагол - несложный объект для изучения поляками и сербами, и объясняется это близостью славянских языков: так как глаголы и в русском, и в сербском, и в польском обладают одинаковыми категориями, то предполагается, что обучающиеся без труда поймут и начнут правильно употреблять формы этой части речи. Практика же показывает, что это не совсем так. Был проведён опрос студентов-поляков и студентов-сербов. Студентам, изучающим русский язык, сначала было предложено выполнить ряд заданий, связанных с употреблением глагольных форм русского языка, потом их попросили ответить, какие глаголы или глагольные формы вызывают наибольшие затруднения.

Как известно, глагол в русском языке обладает категориями вида, залога, наклонения, времени и лица. В этих грамматических категориях, как пишет Э. А. Балалыкина, глагол выражает значение действия [1: 5]. Также русский глагол имеет категорию числа и - в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения - рода.

Сербский глагол имеет время (настоящее, будущее и прошедшее), наклонение (изъявительное, повелительное и сослагательное); формы инфинитива, причастия и деепричастия. При спряжении глагола выражается лицо (1, 2, 3) и число (единственное и множественное). Причастия, как и в русском, имеют формы мужского, среднего и женского рода ед. и мн. числа. В формах глагола проявляются грамматические категории переходности/непереходности, залога и вида [3: 46-47].

Глагол в польском языке также «характеризуется богатством грамматических форм» [6: 47]. В нем различаются грамматические категории вида, залога, наклонения, времени, лица и числа, а в глагольных формах на -ł представлены также категории рода и личности/неличности. Родовые различия и выражения персональности характеризуют также причастные формы глагола, в которых они реализуются при склонении.

Проблемы при освоении «чужой» системы форм вызывают в разной степени все глагольные категории и приглагольные дериваты. В связи с этим, например, некоторые студенты, как поляки, так и сербы, изучающие русский, говорят о сложностях, возникающих при попытках спряжения некоторых русских глаголов, изменяющихся не по стандартным схемам. Речь идет о так называемых исторических чередованиях. Также и в сербском, и в польском языках гораздо чаще, чем в русском используется глагол-связка «быть» (польск. «być», серб. «бити»), что провоцирует ошибки типа «я есть студент/студентом» или «это есть хорошая идея» (калька с польск. «jestem studentem», с серб. «to je добра идеја»).

Гораздо чаще в польском языке, нежели в русском, употребляется конструкция с прямым дополнением в родительном падеже. Это глаголы, выражающие желание (chcieć - хотеть, pragnąć - жаждать, żądać - требовать), глаголы bronić - защищать, chronić - оберегать, pilnować - стеречь и т.п. Такое же управление имеют глаголы, лексическое значение которых выражает запрет, противоречие, отрицание, например, przeczycь - перечить, zaprzeczycь - запретить, zabraniać, zakazywać (nie pozwalacь) - запрещать, zapominać (=nie pamiętać) -